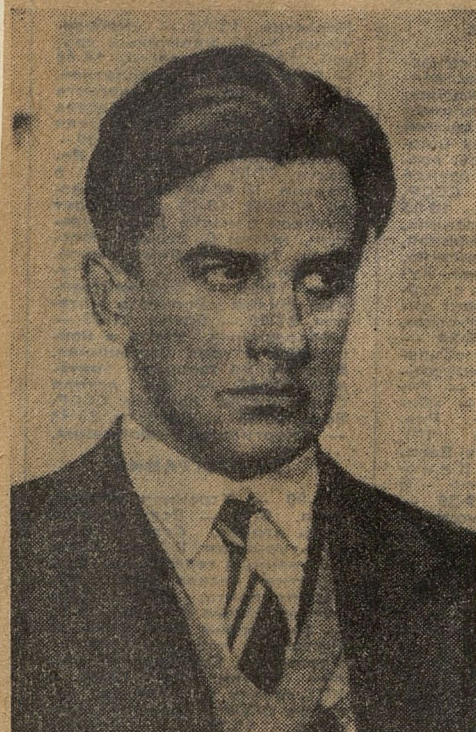

Пятница, 22 июля 1983 года

ОСЕНЬ, Ю Г, ДОРОГА...

19 июля в Москве, в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения великого советского поэта В. В. Маяковского. Предлагаем вниманию читателей материал о пребывании поэта на Кавказских минеральных водах в сентябре 1927 года.

ВОКЗАЛ, приземистый и по-казенному скучный, как все маленькие южные вокзалы, был переполнен разношерстной публикой, суетой и шумом. Поезд на Минеральные Воды все не подавали. В томительном ожидании прошел час и два... Спутники — Лавут и Брюханов нервничали, выясняли отношения с потным начальником в красной шапке и с красным лицом. Время тянулось как патока, и Маяковский вышел на привокзальную площадь.

Пыльные тополя, пыльные бабы-торговки и даже солнце, казалось, покрыто въедливой белесой пылью. Два запряженных верблюда со свлявшейся кобьями пыльной шерстью равнодушно стояли посреди площади. Маяковский подошел к ним, с любопытством заглядывая в живые настороженные верблюжьи глаза. Достал из прихваченного в вокзальном ресторане пакета с едой бутерброд. Верблюды зашевелили ноздри.

Он кормил их, и думал, что и в этой поездке есть какой-то рок. В шестнадцатом году уже собирался в Железноводск. Уже афишные тумбы курорта пестрели кричащими объявлениями: «Футуристы!!! Василий Каменский, Давид Бурлюк, Владимир Маяковский, Виктор Хлебников...». Но накануне он был призван к исполнению воинской повинности, и веселозащитная компания уехала из Петербурга без него. Улыбнулся, вспомнив то далекое уже время. Нахмурился. Он сам вынес ему приговор, залив на выступлении в Нью-Йорке: «Футуризм

и советское строительство не могут идти рядом. Отныне я против футуризма. Отныне я буду бороться с ним».

В двадцать шестом наметил поездку в Ставрополь, но после триумфальных выступлений в Ростове и Новочеркасске слег в постель, грипп... И вот Тихорецкая, пересадка, ожидание поезда. А перед этим отъезд из Крыма, штормовая ночь в море, и, кажется, вновь подкралась болезнь...

Маяковский смял опустевший пакет, энергично пересек площадь и остановился у газетного киоска. Уверенно извлек из бумажного завала на лотке «Записки адъютанта Май-Маевского», внимательно полистал страницы, купил книгу. До прихода поезда читал.

НЕ ПО-ЮЖНОМУ тусклое утро шестого сентября совсем больным и разбитым он встретил в кисловодском «Гранд-отеле». Не хотелось шевелиться, думать, говорить... Может, отменить выступление?

Пробежал глазами вышедший накануне вечером «Терек». Маленькая заметка сообщала: «...На группировку приезжает поэт Владимир Маяковский. Он выступит с чтением новых стихов и поэм в Пятигорске, в Лермонтовской галерее — 6 сентября, в Железноводске — 7, в Кисловодске в Нижнем парке — в четверг 8-го и в Ессентуках в закрытом театре...». Нет, выступления отменять он не будет. По крайней мере сегодня.

У входа в Цветник задержался перед афишной тумбой. Передвинул в край-

шек рта дымящуюся папиросу, с интересом стал читать: «Пятигорск. «Коллизей». Спешите! Гарри Пиль в картине «Король триков». После каждого сеанса гастрольи разоблачителя тайн индусских факиров Сен Вор Будда. «Впервые в Кисловодске! Сегодня и ежедневно в специально построенном павильоне около гостиницы «Нарзан № 11» открыта зоологическая выставка «Мир животных». Спешите видеть!».

Ощерившись в оскале, смотрела на него с афиши тигриная морда, склоненная на бок, словно раздумывая, лопать этих курортников или подождать... Усмехнулся, не без удовольствия поймал глазами свою афишу. «Владимир Маяковский. Доклад на тему «Всем, все!». (О лефе. О прафе. О Пушкине. О бешеном огулке. О Варшаве. О слезах Крамаржа. О прочем. Чтение новых стихов: «Маршал Понятовский», «Чугунные штаны», «Канцелярская привычка», «Сергей Есенин»...). После окончания доклада Маяковский ответит на записки».

Мимо чинно шла чужая вальжанная публика. Прогуливалась, хотя день был сер и безлик. Стало беспокойно. Вспомнились глупые строчки — творение юного местного стихотворца, о котором со смехом рассказывала ему в день приезда «литбратка»: Пятигорск — полумещанский, А курорт наш хулиганский. Копирация в расцвете Лишь бы были пети-мети.

Вот и еще один опус, не уступающий «серому кобы-

ду», выловленному им в одной южной газете.

В стране Советской
полуденной,
Среди степей и ковылей
Семен Михайлович
Буденный
Скакал на сером
кобыле!

...В артистической комнате за сценой тоскливо бросил ободравшему его писателю Рахилло: «А зал-то пуст...». Но вскоре зал заполнился.

КАК ПРОШЛО то выступление? Вот что поведала о нем заметка в газете «Терек» — отголосок литературных бурь того времени. «Во вторник, 6 сентября, в Лермонтовской галерее состоялся вечер поэта В. В. Маяковского. Несмотря на плохую погоду и на равнодушные пятигорской публики к вечерам такого рода, на этот раз она пришла послушать Маяковского, «родоначальника и вождя русских футуристов...». В своем вступительном слове т. Маяковский сказал, что выступает как агитатор за левое течение в литературе (Леф). Отметив, что главными гегемонами с хороним будущим в литературе является лишь Всесоюзная Ассоциация Пролетарских писателей (ВАПП) и Леф. Маяковский обрушивается на литературные течения и кружки, которые есть у нас в крупных городах, на их корявое творчество и цитирует наилучшие образцы этого творчества...».

Автор заметки пятигорский писатель-репповец А. Славянский все же поборол в себе драчливо-обиженный тон и закончил отчет с вечера словами: «Маяковский — наиболее даровитый и крупный поэт современности, блестящий мастер образа и формы...».

Здоровье улучшилось. Выступления продолжались. Их свидетельством остаются опубликованные в журнале «Красная новь» воспоминания А. Н. Сереброва: «Вечер был сырой и туманный, после дождя. На скамейках концертной площадки чернели лужицы. Надо было подкладывать на сиденье газету. В электрических лампочках писали желтые червячки: провала в Кисловодске болели склерозом. Капало с деревьев. Публики было мало. Мужчины сидели кучками около женщин. Перешептывались и смеялись. У многих мужчин понике пальто белели санаторские подштанники. Гидом, в парке, гуляли, шаркая подошвами, курортники.

Маяковский, заложив пальцы за жилет, шагнул вдоль тусклой рамы и, не глядя на публику, чутунным голосом читал стихи.

— Громче! — кричали ему из рядов.

— А вы потише, — отвечал он с эстрады.

Ему бросали записки. Записки были дурацкие. Он отвечал на них резко, кулаком по башке. Одну спрятал в жилетный карман.

— Вам вместо меня ответит ГПУ.

— Не препятствуй! — заорал от забора пьяный курортник. — за тебя деньги плочены... Три рубля...

— А вам бы, гражданин, лучше в пивную. Там дешевле, — ответил Маяковский под смех и аплодисменты.

Молодежь, прихлынув к барьеру, ожесточенно хлопала ладонями. Маяковский оживился.

— Мы вас любим... Приезжайте еще, — сказала бойкая девушка, взметнула кудрями и подала ему цветы.

В камерке за концертной раковиной Маяковский подарил букет пожилой уборщице. Прежде чем взять цветы, она вытерла руки об халат и приняла букет, как грудного ребенка...

15 сентября он уезжал. На тускло освещенном перроне его провожала «литбратка» — местные писатели, с которыми успел подружиться, что-то доброе кричала оживленная группа молодежи. Прибежала и та кудрявая девчонка — рабфаковка, что вручила ему на концерте цветы. Глаза ее лучились такой радостью, что, кажется, осветило перроне.

Поезд тронулся. Маяковский, широко улыбаясь, втягивал в себя свежий вечерний воздух и кивал провожавшим. За вагоном шла девчонка, махала рукой, и он уже только угадывал ее голос: «Приезжайте, приезжайте!».

Колеса постукивали весело, задористо и, может, в такт им рождались в ночи строчки:

...цветы
природа
растрачивает
соря —
для солнца
светлоголового,
И все это
наслаждало
одного царя!
Смешно —
честное слово!
А теперь
играет
меж цветочных ливней
втер,
пламя флажков теребя.
Стоят санатории
разных именей:
Ленина,
Дзержинского,
Десятого Октября!
А. ПОСПЕЛОВ.